

В СТАДИИ ЭКСПЕРИМЕНТА

Виктор Николаев придумал замечательно точное название для своей новой книги — «Или». И потому, что названия всех её разделов состоят из двух частей, соединённых этим хитрым словечком. И потому, что весь мир, существующий в сознании поэта, строится по закону альтернативы — так его лучше можно понять. И потому, наконец, что неуверенность в том, что видишь и знаешь, — это тоже абсолютный закон, на этот раз психологии. Как бы ни старался автор показать своё знание и понимание мира, а всё равно он проговаривается: а вдруг всё не так? Действительно,

Так бывает: «Или — или».

Так бывает: «Если — если».

Николаев постоянно старается упорядочить мир людей и идей, внести в его строение логичность и системность. Книгу открывает специально посвящённый этой утопии цикл — «Арифметическая апокалиптика, или Простые системы». Но в том-то и дело, что в действительности — и реальной, и ментальной — эти системы совсем не такие простые, как это кажется или как это хочет показать читателю автор.

Читатель здесь возник неслучайно: Николаев постоянно апеллирует к нему, обращается, вопиёт. Просит или (вот оно!) требует внимания, понимания, сочувствия. Стесняется быть сентиментальным, но иногда это так прорывается через маску многомудрого, всезнающего и всё прошедшего героя. И это тоже замечательно.

Тем более что мы понимаем — и это неслучайно — как всё продумано в этой прекрасно выстроенной конструкции, в которой всему указано место —

Срифмовалось всё, в общем-то,
складно.

Рифма есть.

Смысла нет.

Ну и ладно.

О смысле стихов Николаева надо сказать особо. Иногда действительно кажется, что его в этих стихах нет. Точнее — что он постоянно исчезает, как только автор увлекается словесной игрой, уводящей его далеко-далеко... Так и хочется произнести умное словосочетание —

«семантическая поэтика» (будто другая бывает?). Но здесь — годится.

Несмотря на то что стихи этой книги — насквозь риторичны: они не о жизни, а о описывающем её языке. И все альтернативные пары, на которых как на каркасе построен общий смысл целого, это пары безусловно логические, в реальной жизни им мало что соответствует (или вообще ничего не соответствует), — одним словом — «Азбука абсурда, или Ярмарка языка», как уже называлась одна из книг Николаева, а теперь справедливо именуется важнейший её раздел.

По крайней мере, он наиболее логично и системно выстроенный: все вошедшие в него стихи — тавтограммы, каковых во всей русской поэзии раз в десять меньше, чем в этом разделе. Конечно, пробовали себя в этой экзотической форме и Брюсов, и Бальмонт, но только пробовали, — Николаев в ней *работает!* И его безусловный талант систематизатора оказывается здесь абсолютно уместен.

Кто-то скажет — игры, баловство; но тогда половина поэзии — такое же баловство, на первый взгляд, конечно. А задумаешься — что без баловства этого остаётся? Я тебя люблю? Я их ненавижу? Волга впадает в Каспийское море, а обманывать нехорошо?

Конечно, об этом тоже многие пишут. И многие даже читают, и даже получают удовольствие — посочувствуем им от всего сердца, ведь как писал Тютчев:

Они не видят и не слышат,
Живут в сем мире, как впотьмах,
Для них и солнцы, звать, не дышат
И жизни нет в морских волнах.

Для нашего автора — всё не так: солнцы — дышат, жизнь — есть. Он видит и слышит, хотя предпочитает говорить не об этом, очевидном, а о том, что рождается в сознании, в рассудке. И рождает причудливые, искусные, изысканные «Стихи-игрушки».

В общем, как это и положено в поэтике барокко, на которую безусловно ориентирован мир Виктора Николаева. Именно поэтому большинство его стихов — не просто насыщено, а буквально *перенасыщено* — словами, метафорами, смыслами. Читать их много и подряд тяжело и бессмысленно, к ним надо и хочется возвращаться. Причём парадоксальным на первый взгляд образом барокко здесь

сталкивается со «следами рок-н-ролла»: как многие не очень уже молодые авторы, поэт не просто прошёл эту школу, но вырос в ней, сам в юности, как многие, играл и пел. И сейчас, читая многие его стихи, угадываешь в них песни — состоявшиеся или только задуманные.

От рока идёт неприятие мира, протест против него, романтические идеалы и пристрастия. От него же — и постоянно возвращающие к главной мысли повторы. А иногда и цитаты: «Капля крови на виске» — это ведь из Цоя. Но:

Песни были так просты,
что не стало слов святых.

Но об этом ли последнем герое тут сказано? Опыт опытом, но для того он и есть, чтобы его преодолевать. Чтобы иметь право заявить о своих стихах:

Здесь всё
в вечной стадии эксперимента.

...Ну, допустим, не всё. И потом я не верю в эксперименты, тянущиеся сотню лет: это уже практика «кто начал, тот не начинающий». А он начал! И успешно продолжает.

Так кто же он, Виктор Николаев?

Нет,
совсем не поэт —
просто знаю секрет
нудных тайн рифмоплётства?

Не поверим: во-первых, поэт; во-вторых, его «рифмоплётство» очень редко становится нудным. И на «ярмарке языка» — человек явно не последний.

Посмотрим хотя бы, как эффектно он использует в своей речи просторечия — например, «нехилый», «в шоколаде», «в теме» и так далее. Тут и Маяковский бы мог поучиться. А как искусно призывает поэт: «Ямщик, не гони!» — в смысле не ври, не вешай лапшу, не...

В общем, или!

А чего стоят его неологизмы, некоторым из них позавидовали бы и Северянин, и Хлебников, и Сапгир: «бредомысли», «порносладость», «шутотогусть».

Последнее слово особенно точно передаёт суть художественного мира Виктора Николаева — одновременно и шута, и клоуна, и грустного наблюдателя современного мира.

Ю. Б. Орлицкий, доктор филологических наук

ИЛИ

Арифметическая апокалиптика, или Простые системы

НЕОПРЕДЕЛЁННО-КОЛИЧЕСТВЕННОЕ ВСТУПЛЕНИЕ

Сколько ещё нужно слёз, чтобы ценить наш смех?
Сколько ещё нужно правд, чтобы понять, где ложь?
Эти вопросы, брат, есть тут почти у всех.
Да и ответ один — сразу на все похож.
Сколько ещё нужно дней, чтобы постичь века?
Сколько нужно веков, чтобы их не считать?
Это сурово, брат, из тины — да в облака.
Незачем говорить, незачем вспоминать.
Сколько ещё нужно тьмы, чтобы увидеть свет?
Сколько ещё нужно нас, чтобы понять, кто мы?
Эта планета, брат, секретов сплошных букет.
Эти секреты, брат, многим ломают умы.
Сколько ещё нужно снов, чтобы понять, где явь?
Сколько ещё нужно слов, чтобы понять их суть?
Это риторика, брат, так что ты не лукавь.
Просто представь ответ. И сразу забей. Забудь.
Сколько бы ни было фраз — все не вместить в рассказ.
Сразу ко всем дверям не подобрать ключа.
Снова идём сквозь время. Время идёт сквозь нас.
Доброй дороги, брат. Встретимся. Не скучай.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. СИСТЕМА СЛОЖЕНИЯ

Так сложилось — одно к одному.
Так сложилось — и весь разговор.
Очень сложно понять, почему
человечество — самоповтор.
Пролетают и дни, и века.
Много в них испытать довелось.
Человечество — это тоска
по тому, что уже не сбылось.
Год за век — за уроком урок:
новый стиль, новый флаг, новый храм.
Человечество — это клубок
парадоксов, комедий и драм.
Человечество — это ресурс.
Человечество — это резерв.
Новый пульс, новый вкус, новый курс.
Вечный смех, вечный гнев, вечный нерв.
Вечной истины вечный момент.
Так сложилось и так решено.
Человечество — эксперимент.
Человечество — это звено.
Просто вновь по спирали виток.
После страшных падений — взлетать.
Этот путь и суров, и жесток,
куда выведет — не угадать.
Тайно действует тот механизм,
но финал расписали давно.
Это будет иной организм.
Это будет иное кино.
Это будет иной карнавал —
в нём иной вариант микросхем.
Человечество — потенциал
для создания новых систем.
Так всё сложится, но не теперь.
Потерпи — и узнаешь сюжет.
Подожди — и откроется дверь
и вопрос превратится в ответ.
Там исчезнут спирали, витки,
завершится весь сумрачный спор.
Так сложилось в финале строки.
Так сложилось — и весь разговор.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. СИСТЕМА ВЫЧИТАНИЯ

Минус час, минус день, минус год.
Час прошёл, день исчез, год пройдёт.
Как обычно, от встреч до разлук —
минус взгляд, минус жест, минус звук.
От мечты остаётся зола.
Быстро старятся все зеркала.
Откажись или снова держись.
Минус сон. Минус явь. Минус жизнь.
Бесконечность свернулась в петлю.
От нуля всё стремится к нулю.
Из домов и квартир — шаг в эфир.
Минус тьма. Минус свет. Минус мир.
Здесь привычно стоять на краю.
Здесь привычно сражаться в бою.
Твоя пуля застанет врасплох.
Минус крик. Минус стон. Минус вдох.
Мир в агонии, словно в кольце.
Вечный снайпер взял всех под прицел.
Не спасись нам среди кутерьмы.
Минус ты. Минус я. Минус мы.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. СИСТЕМА УМНОЖЕНИЯ

Весь мировой прогресс — через скорбь и смерть,
как говорили классики-мудрецы.

На круговерть эту вынуждены смотреть
все поголовно, даже её творцы.

Множится алчность, глупость и шутовство,
множатся сказки про всеблагой успех.

Чтобы в те сказки верило большинство,
вновь кукловоды ставят спектакль для всех.

В этом спектакле — реплики на ура
и на подмостках каждый рассчитан шаг.

На авансцене — лучшие мастера.

Зритель им верит, в зале всегда аншлаг.

Так умножается вера в мечту-мираж,

так умножается вера в мечту-фантом,

ложь увеличит изданий своих тираж,

мысль излагая на языке простом.

Множатся те, кто не помнит самих себя.

Множатся те, кому просто на всё плевать,

не сомневаясь, не зная и не любя.

Мысли и чувства их лучше не узнавать.

Суетны все облики пустоты.

Не узнавай, кто спонсирует маскарад.

Множа познания — скорбь умножаешь ты,

как это сказано много веков назад.

ЧАСТЬ ЧЕТВЁРТАЯ. СИСТЕМА ДЕЛЕНИЯ

Разделились на части,
разделились на доли,
разделились на масти,
на куски и пароли.
На миры разделились,
на падения-взлёты,
на осколки разбились,
разделились на ноты.
Разделились на ритмы,
такты и перестуки,
разделились на рифмы,
на слова и на звуки,
на разделы и главы,
номера и абзацы,
на отрывки, октавы
сборники и эрзацы.
Разделились на гаммы,
разделились на формы,
разделились на храмы,
на обряды, платформы.
Разделились на расы,
разделились на страны,
поделили все трассы,
разобрали все кланы.
Разделились на дозы,
порционы, обломки,
на улыбки и слёзы,
слухи и кривотолки,
на купоны и квоты,
на участки и зоны,
на отряды и роты,
номера и законы.
Разделились на дробь,
разделились на звенья,
на подпункты и хобби,
на часы и мгновенья,
на детали, сегменты,
партии и народы,
секции и фрагменты,
роли и эпизоды.
Эти роли банальны,
всё предельно фальшиво.

Не осталось в них тайны.
Разделение лживо.
Мир от мысли до слова
обретёт первозданность —
и Вселенная снова
схлопнется в сингулярность.

Совестилизация, или Символика воли

ВВЕДЕНИЕ В ПЧЕЛОВЕКОВЕДЕНИЕ

Отдашь ли дань гаданию
романом с хиромантами,
найдёшь ли с гуманистами
маниакально
 истину,
лабаешь ли за доллары
с хмельными музыкантами,—
твой слух ласкает классика —
божественно единственна.
Ввинтилось квинтэссенцией
эссе

 в твои романы...
Пойми, что всё далёкое —
необычайно близко.
Дойдёшь
от лика карлика
 до лика великана,
от силы василька —
 до силы василиска.
Твоё село — Вселенная,
твой дом — твоя Галактика.
На первый взгляд различное —
здесь всё имеет сходство.
От жаркой Солнцеафрики
до стужи Лунантарктики.
От пчеловековедения
до человеководства.

СОВЕСТИЛИЗАЦИЯ

Современной совести стиль —
в карнавале валютном промчатся
и обыденных рож урожаяй
выдавать за царей и принцесс.
На лицо лицензию-ценз
я оформлю, чтоб здесь отличаться,—
современной совести стиль
стимулирует этот процесс.

Современной совести стиль —
это яд клеветы в каплях истин.
Для пророков здесь рокот рокад,
адских рок-лихорадок хоры...
Это было во все времена,
но сегодня коварнее мысли
и точнее удары судьбы,
что вдруг выбьют твой мир из игры.

Современной совести стиль —
благодарным быть власти за ласку:
все в словах интервью
вьют уют
для себя как основу основ.
Вновь колдун дунул пеплом в глаза —
и прекрасную добрую сказку
превратил просто в пыльную быль
под сурдинку абсурднейших слов.

Современной совести стиль —
волки в роли лихих волкодавов.
Только вот незадача:
костюмы — не лучший пошив.
Современной совести стиль —
ролик: кролики в роли удавов.
Он, конечно, забавен,
но всё-таки жутко фальшив.

Современной совести стиль —
это, видимо, лишь антитеза
для галантных галактик в тех душах,
которые вечность спасёт.
Я останусь везде, проходя

по тропинкам антропогенеза,
ясновидящим снов-новостей,
что рассветер с собой принесёт.

А ТАМ

А там мании атамании
у щекастой касты хватающих.
Там автографы графомании
раздают толпе отдыхающих.
А там в сахаре хари липкие,
снова в тину инстинктов кутаясь,
всё зрочками зыркают зыбкими,
в гряземыслии вечно путаясь.
Там и ада администрация —
адекватно адепты мечены.
Ада адрес — лишь сублимация
всех грешков души обесцвеченных.
Там свободу бодают фразами
диктатуры дикторы властные,
в синкретичность кретинообrazia
превратив толпу разномастную.
Кто там смерд, а кто благородие —
не понять: вместе жрали-выпили.
Но чревато чревоугодие —
у империи перья выпали.
Что за спрос с беспросыпной публики,
превратившей дело в безделие,
признающей власть долларубликов,
виноводства и свиноделия?
А пока Апокалипсис милует,
продолжает вся мерзость пениться.
Каждый совесть и душу насилует —
там уже ничего не изменится...

МОЙ ГОРОД

Мой город
 стоит лицом на восток,
мой город
 встречает рассвет.
Мой город —
 дрянной проходной монолог,
но лучшего города нет.
Я никогда его не предавал,
а он меня — сотни раз.
С рельсов столкнув, не узнавал,
окнами втискивал в грязь.
Здесь дождь напоказ стреляет в глаза.
Здесь даже солнце кричит.
Здесь все поклоняются образам,
каменным, как врачи.
Их никогда не учили лгать —
они родились такими.
Это в крови —
 до конца добивать,
не называя имени.
Есть даже ангелы — души невинные,
есть даже чудо-таланты,
но всех покупают
 за рубль с полтиной
дряхленькие дилетанты.
Семьи в достатке, жизнь — изобилие,
сердца до предела размякли...
Сколько же, милые, вы заплатили им,
чтобы молчали, не вякали?
А вот —
 те, кто дохнет
 от передвижения,
их души —
 в клетках из стали.
Люди звереют от напряжения.
Люди, что мирно спали...
Мой город
 не любит, когда светло,
он с ночью ведёт игру.
Мой город
 плюёт на понятие «зло»,
хотя равнодушен к добру.

Мой город
любовь поднимает на смех,
мой город —
дешёвый фальцет.
Мой город —
самый паршивый из всех...
Но лучшего города
нет.

ГОРЬБОГОРОД

Наш гордый город снова горбится с утра...
На горле города клеймом — девизы крыс.
Все чародеи родились — не жди добра.
Здесь все капканы для тебя — поберегись.
Печать печали, песен плесень-пессимизм...
Цена сценарию судьбы — с полтиной хрен.
И даже если посещает альтруизм,
его развеет резкий ветер перемен.
По радио порадуют парадом хит-попсы:
так шарм шарманщикам раскрутка придаёт.
Потом попросят вежливо перевести часы —
сперва на час назад, затем на час вперёд.
Удачу выудить, день в деньги превращать —
конечно же, легко, коль можешь в масть попасть.
Лесть доблестью блеснит, чтоб правду извращать:
не приукрасить тут, а там не приукрась.
Обрядов ряд подкинет много свежих дат:
за грузом грусти — разных праздников пора.
Но ночь пройдёт — опять к утру не похмелят.
И гордый город вечно горбится с утра...

В ГОРОДЕ АЛЛЕГОРИЙ

В городе аллегорий
не каждый бы смог оказаться.
Инстинктов тут институт
давно изучает вопрос —
как от тумана ума
до триумфа ума добраться,
чтоб благодетельства город
в сознании нашем возрос.

В городе аллегорий
творчества храм обустраивают.
Вход — по секретному коду
для тех, кто вникает в прогресс.
Створ ворот творчества вмиг,
как по команде закроют,
если увидят, что вор
в рот ворот тихонько полез.

Знание смены знамений
профессорам помогает —
и в городе аллегорий
умений меняют акцент.

А к скважине важных идей
вновь аппарат подключают —
и он выдаёт на экран
единственно верный рецепт.

Чтоб месть не вместила душа,
когда ты с унынием дружишь,
чтоб не украдкою радость,
а даром отрады была.

И на ладони ты знак тайной истины
вмиг обнаружишь,
если для линий ладонь
станет внезапно мала.

В городе аллегорий
горю никак не ужиться.

Лет высокосных сок
не косит всех пьющих стихи.

И аспиранты пера
прилежно продолжают учиться
умению профессоров
в мораль переплавить грехи.

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru